

Баянов К.Р. Кодекс этических императивов как критериев устойчивости социотехнического развития // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 2. – С. 70–78.

Bayanov K.R. Codices of ethical imperatives as a criteria for sustainable socio-technical development. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law.* 2016. No. 2. Pp. 70-78.

УДК 001.17

Статья отозвана по инициативе редакции журнала по причине обнаружения значительной доли неоформленных заимствований.

Дата отзыва: 29.08.2017 г.

К.Р. Баянов

КОДЕКС ЭТИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ КАК КРИТЕРИЕВ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИОТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Разработка этического кодекса для постиндустриальных социотехнических констелляций с целью перевода совокупного человечества в режим жизнестойкого развития – задача востребованная, а потому наиболее фундаментальная проблема науки. Этические императивы, как критерии устойчивости в социотехническом развитии, играют роль элементов отрицательной реактивности, поддерживающих стабильность социотехнических систем, и позволяют расширить диапазон устойчивых эволюционных трендов, уточняя поисковое поле путем вынесения на повестку дня наряду с традиционным для российского менталитета вопроса «что делать?» и иного, практического и удобного вопроса – «чего не делать?».

Ключевые слова: эволюционный кризис, этические императивы, социотехническое развитие, прогнозирование.

K.R. Bayanov

CODICES OF ETHICAL IMPERATIVES AS A CRITERIA FOR SUSTAINABLE SOCIO-TECHNICAL DEVELOPMENT

The ethical codices's formulation for postindustrial socio-technical constellations in order to transfer the aggregate of humanity as a viable mode of development is actual. So it is the most fundamental problem of science. Ethical imperatives as criteria for sustainability in socio-technical development play the role of elements with the negative reagent supported the stability of the socio-technical systems. Also they are allowed to expand the range of sustainable evolutionary trends, specifying the search field by making on the agenda, along with the traditional Russian mentality the question "what to do?" and another, practical and easy question - "what not to do?".

Keywords: evolutionary crisis, ethical imperatives, socio-technical development, forecasting.

Эволюционными векторами эпохи индустриального модерна были научно-технологический прогресс, строительство промышленного дома «второй природы», а ее главными героями являлись Рабочий и Солдат. Символом пришедшего ей на смену времени постмодерна и постиндустриализма стала всеобщая виртуализация социокультурной реальности (обилие неопределен-

Баянов Квинрай Раевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин, Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко, e-mail: kvinray@mail.ru.

ных приставок «пост» в новых терминах здесь не случайно, оно отражает нечеткий, размытый характер наших представлений о сущностных особенностях нового времени). А в герои этой эпохи выдвинулся тоже весьма неопределенный персонаж – хорошо приспособленный человек.

Но одна особенность эпохи постмодерна прослеживается четко: ввиду значительно возросших темпа и размаха бифуркаций резко возросло влияние случайных, «второстепенных» факторов. Существенно выросла цена, которую приходится платить за исправление ошибок, которые допускаются в зоне бифуркации. И соответственно, намного возросли требования к этической легитимации любых практических действий.

Этическая мысль всегда была одной из самых динамичных категорий общественной жизни. Всего тридцать лет назад нас приучали к основной аксиоме коммунистической этики: *нравственно все, что соответствует интересам социализма* и определено решениями партии и Советского правительства.

В годы перестройки, когда отсутствовали сколько-нибудь ясные проекты и ориентиры общественного развития, философы попытались найти выход, провозгласив, что суть концепции перестройки формулируется в ценностных понятиях, в терминах этики. Этические истины, убеждали они смущенное население, истины справедливости и счастья поднимаются до уровня исторической перспективы высших и конечных целей. Но очень скоро более решительные сторонники реформ предложили заменить эти прекрасноречивые рассуждения на жесткий постулат рыночного хозяйства: *нравственность есть эффективность*.

После этого оставалось сделать последний шаг и определить адресата этой эффективности. Этот шаг сделала команда радикал-реформаторов Е. Гайдара и А. Чубайса, которые сами очень точно определили плоды своих трудов как бандитский капитализм.

В этих условиях рассуждения об этике утратили всякий смысл. Возник феномен, которого Россия не знала даже в самые тяжелые периоды своей истории, – этический вакуум. Между тем опыт истории учит: попираание морали неизбежно заканчивается исторической катастрофой. Поэтому поисковые исследования в области этической мысли, ориентированные на реалии современности и преодоление глобального эволюционного кризиса мировой социотехнической системы, являются востребованными по причине того, что такое бездушное отношение к миру может закончиться схлопыванием экологической ниши на планете биологического вида *homo sapiens*, а в наиболее тяжелом варианте – даже гибелью биосферы.

Различные аспекты этого глобального эволюционного кризиса мировой социотехнической системы хорошо известны. Во-первых, это угроза экологической катастрофы, обусловленная тем, что техногенная нагрузка на биосферу уже в настоящее время превысила порог ее устойчивости. Во-вторых, это демографическая проблема: скорость роста народонаселения Земли пропорциональна

квадрату его численности, а это гиперболическая закономерность. В-третьих, продолжающееся обострение противоречий между богатыми странами «золото-го миллиарда» и остальной частью человечества. В-четвертых, далеко зашедшие процессы виртуализации, охватывающие практически весь спектр общественной жизни – от финансовой сферы до самоидентификации человека. На этом остановимся, хотя продолжить этот перечень не составляет труда.

Эти кризисные явления касаются в первую очередь западной цивилизации с ее фаустовским менталитетом противоборства с природой и гедонистическим культом потребительства.

Старая протестантская этика, которая четыреста лет назад дала мощный импульс развитию индустриальной цивилизации, утратила свой эволюционный потенциал. Капиталистическая формация в частности и индустриальная цивилизация в целом исчерпали свою эволюционную программу, у них нет больше новых эволюционных стимулов. Этика становления мировой империи Pax Americana, которая все более укрепляет свои позиции в США, отражает самодвижение этого мира напрямик в эволюционный тупик.

С учетом высказанных методологических замечаний востребованным становится формирование кодекса этических императивов на основе проявления противоречивого характера развертки современной социотехнической системы, который может возникать при её переводе в режим устойчивого функционирования.

Первое в ряду таких противоречий связано с теорией экономических циклов Н.Д. Кондратьева и концепцией эволюционной генетики. Согласно этой теории мировому научно-техническому прогрессу свойственна односторонность, вследствие чего старый технико-экономический уклад периодически сменяется новым, более эффективным.

Емкая характеристика трехсотлетнего технологического становления индустриального сообщества, включая современный технологический уклад информационной цивилизации, дана в книге С.Ю. Глазьева. На этом этапе развития новым и наиболее важным ресурсом человечества становится информация, приоритетное развитие получают наукоемкие производства, а экономические связи приобретают невиданный ранее динамизм. Снятию противоречия между рудиментами старого уклада и требованиями перехода к новому соответствует критерий, или **императив когерентности**.

В.И. Вернадский одним из первых обратил внимание на опасность экологического кризиса, обусловленного несбалансированной технико-производственной деятельностью. Это предостережение прозвучало в то время, когда всеобщее внимание вызывали совсем другие призывы. Памятен девиз: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

Снятию этого второго в рассматриваемом ряду противоречия – противоречия между техносферой и окружающим миром природы – соответствует **эколо-**

гический императив. Обсуждая с В.И. Вернадским проблему самосогласованного развития геосоциальной системы, Н.В. Тимофеев-Ресовский назвал этот процесс коэволюцией человечества и природы. Заметим, что и В.И. Вернадский, и Н.В. Тимофеев-Ресовский, считая выход на режим коэволюции проблемой номер один, были уверены, что наука найдет способы ее решения. Но для этого, по нашему мнению, нужны новые технологии.

Основные функции ноосферы состоят в креативной и адаптивно-адаптирующей деятельности. Между этими функциями существует внутреннее противоречие: если адаптивная деятельность направлена на установление и поддержание равновесия с окружающей средой, то креативная может вести к его нарушению. Произойти это может, разумеется, лишь вследствие плохо продуманных решений, принятых без учета обратных связей. История советского периода изобилует, к сожалению, примерами подобных некомпетентных действий: это и Чернобыльская катастрофа, и гибель Арала, и превращение многих городов в зону экологического бедствия и т.д. Критерий, ориентированный на предупреждение подобных катастроф, можно назвать **интегративным императивом**: речь идет о необходимости комплексного, научно обоснованного анализа любых достаточно крупных проектов и программ, включая обязательную вневедомственную экспертизу.

Следующее, четвертое, противоречие – между экстенсивной антропогенной экспансией и ограниченным потенциалом природных ресурсов планеты. Пределы экстенсивного роста, обусловленные располагаемыми запасами энергетических и минеральных ресурсов и возможностями нагружения природной среды техногенными отходами, ставят человечество перед дилеммой: либо остановить неуправляемый рост народонаселения, а затем снизить его в несколько раз, переведя при этом планету в режим «космического корабля» с жесткой экономией всех ресурсов, либо перейти к индустриальному освоению космического пространства. Первый способ означает фактическую остановку развития и чрезвычайными межгосударственными, межнациональными, региональными, конфессиональными конфликтами. Второй открывает перед человечеством новые резервы для устойчивого развития. Этой перспективной стратегии освоения внеземного пространства соответствует **космический императив**.

Пятое противоречие – между новым уровнем технологии и старой социальной и информационно-управленческой структурой общества. Это противоречие замечено давно. Марксистская теория объявила его ведущим в социогенезе и провозгласила, что основным методом его снятия должны быть жесткое столкновение классов-антагонистов и революционное преобразование общества. Опыт истории показал, к каким трагическим последствиям ведет этот путь. С точки зрения теории ноосферы радикальные по содержанию преобразования целесообразно осуществлять на основе иных методов – комплементарности, компромисса, консенсуса. Этим методам снятия противоречий соответствует

императив толерантности. Необходимые социальные преобразования лучше осуществлять путем реформ и экономического регулирования, соблюдая права человека и во всех случаях, когда это возможно, не прибегая к силе оружия.

Противоречие между техногенезом и свободным самовыражением личности – шестое в этом ряду. Это противоречие порождает феномен отчуждения. Разрешению этого противоречия соответствует **антропный императив**, суть которого состоит в требовании условий для свободного личностного самовыражения. Переход к информационному технологическому укладу, совершающийся в настоящее время в развитых странах, соответствует этому требованию. Есть и другая, быть может, еще более важная сторона противоречия между техногенезом и интересами человека – это все более увеличивающийся разрыв между развитыми странами и странами третьего мира, между богатыми и бедными. Это противоречие становится тем более опасным, что в связи с демографическим взрывом доля бедных стран в народонаселении Земли все более возрастает. Антропный императив требует снятия и этого противоречия.

Следующее, седьмое противоречие – между техносферой и сферой духа, или пневмосферой (термин П.А. Флоренского). Это противоречие исходит из многомерности понятия свободы, которое может получить различные ложные толкования. Человеку как творцу техносферы, которому он стремится поставить между собой и миром природы, всегда угрожала опасность превратиться в ее функциональный элемент, в наделенный сознанием придаток бездушной машины, причем счастье это благом.

Эта опасность также замечена давно. Ее обстоятельно исследовал, в частности, М. Хайдеггер. Хайдеггер обратил внимание на процессы, сопровождающие переход науки и техники от раскрытия потаенности бытия к производящему раскрытию: превращение природы в материал, а субъекта – в средство развития техники, функционализм и умаление индивидуальности, сведение труда к изготовлению, замена природных вещей эрзацами, подчинение всего холодному расчету, технизация науки. Конфликт между техногенным гедонизмом и духовной наполненностью бытия исследовал Э. Фромм. Любовь к технике, отмечал он, может переродиться в разновидность некрофилии – любовь ко всему неживому. Если этот процесс не будет остановлен, он закончится гибелью личности в человеке, его растворением в техносфере. И тогда место человека на Земле займет совсем другое существо – лишенный живой души Номо технический.

Но возможна и другая крайность. Техногенез способен выхолостить духовное богатство человека, подавить его свободу, однако он может привести и к внешне прямо противоположному, но не менее опасному результату – породить у него иллюзию абсолютной свободы, отсутствия каких-либо ограничений творческого порыва. Подобные настроения иногда проявлялись даже у В.И. Вернадского, не говоря уже о К.Э. Циолковском и некоторых других мыслителях. Поэт В. Кириллов пошел еще дальше: «Во имя нашего Завтра –

сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства, цветы ». Сходные по смыслу строки можно найти и у В. Маяковского. Снятию этой группы сложных противоречий между техногенезом и пневмосферой соответствует **императив духовности**, который означает примат духовных, творческих ценностей над чисто материальными и потребительскими.

Восьмое противоречие: между глобальными, общечеловеческими интересами, с одной стороны, и национальными, региональными, классовыми, конфессиональными, групповыми – с другой. Современная энвайроментальная инициатива на практике, а концепция ноосферы – в теории требуют отдать приоритет именно общечеловеческим интересам, потому что в преддверии наступающей глобальной катастрофы выжить люди могут только сообща, а погибнуть – и порознь. В то же время безусловный примат глобальных интересов не следует понимать как отказ, подавление или умаление всех прочих интересов – это всего лишь призыв к правильной расстановке акцентов. Отсюда следует **императив глобального мышления**.

Содержание этого критерия носит многоплановый характер: это и становление общечеловеческой мировоззренческой парадигмы, и системность мышления, и категорический отказ от конфронтационной стратегии в пользу международного сотрудничества и разделения труда. На практике глобальное мышление означает также осуждение национал-патриотических, фундаменталистских и тому подобных «боевых» идеологий и одновременное признание права народов на культурную автономию, уважение экономической самостоятельности регионов.

Девятое противоречие – между свободой воли и возможностью выбора, с одной стороны, и уровнем компетентности и осознанием ответственности за сделанный выбор – с другой. Это противоречие одно из наиболее опасных, потому что на пути именно его снятия возникает такое явление, как миф, утопия. В своей классической работе «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев показал, с какой легкостью человек способен оказаться в плену той или иной мифологии. Чтобы избежать этих сбоев на пути к жизнестойкому обществу, сформулируем **антиутопический императив**.

Сразу возникает вопрос: как заранее определить, что предлагаемый проект или программа носят черты утопии? Вспомним опыт истории – к сожалению, довольно богатый. В условиях общественного кризиса, когда массы населения ждут появления харизматического лидера, который во всеуслышание скажет: «Я знаю, как надо», выбор легко может быть сделан в пользу очередного утопического проекта всеобщего спасения. Сто лет спустя после К. Маркса нетрудно рассуждать о мифологической структуре коммунизма и его эсхатологическом смысле. Но фактом истории остается то, что на третьей части земного шара была предпринята попытка воплотить эти идеи в жизнь.

Фактом истории является и другой, не менее печальный феномен – легкость, с которой русский народ позволял превращать собственную страну в полигон для утопических экспериментов. Ведь еще Иван Грозный пытался осуществ-

вить безумный опыт – построить внутри государства еще одно, опричное, государство во главе с царем-игуменом. Платой за эти эксперименты стала Смута.

Что можно противопоставить новым утопическим проектам, которые способны разрушить надежды на переход к жизнестойкому развитию? Утопия – это всегда стремление к абсолюту, попытка сломать естественный ход истории, перепрыгнуть через его этапы. Утопические проекты, как правило, не содержат ни анализа возможных негативных последствий, ни указания цены, которую придется заплатить за их осуществление. И, наконец, во всех без исключения утопических проектах во главу угла ставились интересы искусственно придуманной идеологизированной схемы, а вовсе не живого человека.

В чем же причина исключительно высокой живучести, которую утопическое мышление демонстрирует уже более двух тысячелетий, начиная с проектов идеального государства Платона? Видимо, утопизм имеет достаточно основательные социальные корни и возникает как отклик на конкретные общественные запросы. Социальный утопизм есть вера в возможность построения идеального будущего, резко отличающегося от реальности. Отсюда максимализм утопических проектов, ставка на технократическое манипулирование обществом, на концентрацию властных функций как на основные инструменты проведения этих планов в жизнь.

Последнее, десятое, место в нашем перечне требований к устойчивости процессов перехода к ноосферному аттрактору занимает **императив соборности**. Речь идет о поддержке пассионариев – идеологов и организаторов преобразований – со стороны большинства населения или по крайней мере об отсутствии активного сопротивления. Комментируя этот критерий, уместно напомнить, что Россия сегодня на краю пропасти и только общими усилиями мы можем от нее отползти. Отсутствие национального согласия – причина наших бед, спасение в национальном единении. Народ с колеблющимся инстинктом национального сохранения не может отстаивать свою жизнь на Земле, поэтому он должен чувствовать свое единство, сопринадлежность, самобытность.

Представленная система критериев определяет условия сохранения устойчивости социотехнической модели развития. Будем называть эти критерии этическими. Поскольку они играют роль элементов отрицательной реактивности, поддерживающих ее стабильность, их можно рассматривать как правила запрета тупиковых и неоптимальных ветвей эволюции. Тем самым в руки лиц, принимающих решения, передается простой инструмент, позволяющий значительно снизить вероятность принятия неэффективной программы действий. Эти критерии дают возможность заменить поиск ответа на традиционный для российского менталитета вопрос «что делать?» на другой, практически более удобный – «чего НЕ делать?» Очевидно, подобная постановка задачи является чисто неклассической.

Система этических критериев обладает важным свойством: они образуют целостный комплекс. Достаточно допустить нарушение хотя бы одного из них,

оставив все остальные в неприкосновенности, как вероятность потери устойчивости и схода с оптимального эволюционного тренда резко возрастет. Другое важное свойство системы этических критериев в том, что, выполняя роль правил запрета, они не являются чрезмерно жесткими: допускается сравнительно широкий спектр приемлемых вариантов конкретных стратегических программ действий.

Осуществление перехода человечества в целом к жизнестойкому обществу – это задача, решение которой займет десятилетия. Однако если отложить начало движения по этому пути до лучшей поры, то времени для действий уже не останется. Из теории катастроф следует: устойчивое состояние системы может быть разрушено скачком, и когда этот процесс начнется, принимать какие-то превентивные меры будет уже поздно. Поэтому разработка такой стратегии человечества, которая способна обеспечить коэволюцию человека и окружающей среды, – это сегодня наиболее фундаментальная проблема науки.

Возникает вопрос, как соотносится система этических критериев с традиционным этосом, прежде всего с христианской этикой?

Протестантская этика, составившая идеологическую основу капиталистической формации, с завершением эпохи индустриализма в значительной мере исчерпала свой духовный потенциал.

Несколько сложнее обстоит дело с этическими принципами православия. Православию чужда жесткая практичность протестантской этики, его духовный эстетизм иногда выражается в равнодушии к практичности. Характер православия определяется двумя основными чертами: любовью и смирением.

Казалось бы, соотнесенность этих принципов с этическим кодексом христианства минимальна. Тем не менее комплекс этических критериев может сыграть роль механизма, стабилизирующего эволюционный процесс – третьего исторического суперцикла (постиндустриальной цивилизации с ноосферной ориентацией).

Таким образом, разграничение сфер влияний, охватываемых наукой и религией, невозможно. Нет таких вопросов бытия, которые не могут быть исследованы научными методами. И нет таких вопросов, ответ на которые не может предложить религия. Но, несмотря на эти глубокие расхождения, плодотворный диалог между наукой и религией возможен и необходим, потому что в конечном счете у них есть общая цель – спасение человека, предотвращение глобального эволюционного кризиса социотехнического развития. И поэтому разработка этического кодекса как критерия устойчивости в социотехническом развитии является востребованным, поскольку он выполняет роль элементов отрицательной реактивности, поддерживающих стабильность социотехнического развития.

Список литературы

1. Баянов К.Р. Философско-методологические основания прогнозирования социоприродной динамики: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 280 с.

2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993.
4. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. – М.: Наука, 1991.
5. Лесков Л.В. Футуро-синергетика: универсальная теория систем: учеб. пособие. – М.: Экономика, 2005. – 170 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мира // А.Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. – М.: Мысль, 1991. – 525 с.
7. Павлова Н.П. Благотворительность в России как социокультурный феномен: исторический и образовательный аспекты // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. Серия: Педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 80–89.
8. Хайдеггер М. Семинар в Ле Торе // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 123–149.

References

1. Baianov K.R. Filosofsko-metodologicheskie osnovaniia prognozirovaniia sotsioprirnodnoi dinamiki [Philosophical-methodological bases of forecasting of social and natural dynamics]. Doctors degree thesis. Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 2011. 280 p.
2. Vernadskii V.I. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow: Nauka, 1988. 520 p.
3. Glaz'ev S.Yu. Teoriia dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiia [The theory of long-term technical and economic development]. Moscow: VlaDar, 1993.
4. Kondrat'ev N.D. Osnovnye problemy ekonomicheskoi statiki i dinamiki [The main problems of economic statics and dynamics]. Moscow: Nauka, 1991.
5. Leskov L.V. Futuro-sinergetika: universal'naiia teoriia sistem [Futuro-synergetics: a universal theory of systems]. Moscow: Ekonomika, 2005. 170 p.
6. Losev A.F. Filosofiiia. Mifologiiia. Kul'tura [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Mysl', 1991.
7. Pavlova N.P. Blagotvoritel'nost' v Rossii kak sotsiokul'turnyi fenomen: istoricheskii i obrazovatel'nyi aspekty [Charity in Russia as a sociocultural phenomenon: historical and educational aspects]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogika i psikhologiiia*, 2010, no. 2, pp. 80-89.
8. Khaidegger M. Seminar v Le Tore [Seminar in Le Torah]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 10, pp.123-149.

Получено 29.02.2016